

• ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ •

GENE WOLFE

SOLDIER
OF ARETE

ДЖИН ВУЛФ

ВОИН
АРЕТЕ

Перевод с английского: Ирина Тогоева

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)
В88

Gene Wolfe
SOLDIER OF ARETE

Публикуется с разрешения Фонда автора
и Virginia Kidd Agency, Inc. (США) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского: *Ирина Тогоева*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-153546-9

Copyright © 1989 by Gene Wolfe
All rights reserved.

© Ирина Тогоева, перевод, 2026

© Михаил Емельянов, илл. на обл., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Эта книга посвящается древнему полководцу,
самому недооцененному из античных авторов
и наиболее обойденному вниманием потомков,
Ксенофону Афинскому¹*

И явился к Ксенофону, когда тот приносил
жертву, один человек и сказал: «Грилл убит».

И Ксенофонт снял венок, что украшал
его голову, но церемонию жертвоприношения
прерывать не стал. И тогда посланец сказал:

«Смерть его была достойной».

И Ксенофонт вновь возложил венок себе

на голову; как гласит легенда,

он не пролил ни слезы, лишь вымолвил:

«Я знаю, что родил его смертным».

Диоген Лаэртий²

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свиток в очень плохом состоянии, в нем множество пропусков. Латро, кажется, не прикасался к нему целую неделю с тех пор, как его отряд покинул Пактию. Причиной тому вполне могла служить суровая фракийская зима; хотя папирус может порой сохраняться тысячи лет, он буквально рассыпается в прах, если намокнет. Подобную уязвимость этого материала подтверждает и свиток, принадлежавший Латро. Средняя часть свитка серьезно повреждена, и невозможно прочесть значительную часть текста, по всей видимости имевшего отношение к прибытию «Европы» в Пирей. И еще один пробел в тексте (сразу после описания освобождения Латро в Спарте) появился, видимо, вследствие того, что свиток комкали.

Искусство верховой езды, каким владели древние, во многом недооценивается нынешними исследователями, просто неспособными представить себе, как всадник может держаться в седле без стремян. Им было бы не-

плохо ознакомиться с историей американских индейцев, обитателей Великих равнин, которые совсем еще недавно прекрасно ездили верхом без стремян подобно древним конникам и, как и те, пользовались копьем, луком со стрелами и дротиками. (Кстати, легкие боевые топоры на длинных рукоятках, широко распространенные в персидской коннице, пришлось бы весьма по вкусу Джеронимо или Кочису, знаменитым вождям апачей.) По моему убеждению, стрелять из винтовки «спрингфилд» 45-го калибра на полном скаку и обернувшись назад (а индейцы проделывали такое достаточно часто) гораздо труднее, чем такое ведение боя, какое требовалось от древних конников.

Читатель должен помнить, что кони древних греков не имели подков и редко кастрировались (а боевых жеребцов вообще не кастрировали). Хотя тогдашние лошади и были некрупными по современным меркам, отсутствие стремян все же затрудняло посадку в седло. (По сути, стремяна, видимо, изначально были предназначены именно для того, чтобы садиться на коня; их начали использовать тогда, когда селекция привела к появлению более крупных лошадей.) Чтобы сесть верхом, конник опирался на копьё или на пару дротиков. Некоторые лошади были приучены подгибать передние ноги, чтобы облегчить задачу всаднику.

Текст данного папируса совершенно ясно доказывает, что современные историки заблуждаются, считая амазонок вымыслом, легендой. Древние авторы писали об их вторжении в центральные области Греции в эпоху афинского царя Тесея, приводя различные подробно-

сти; погребальные холмы павших в бою предводительниц отрядов амазонок помогают проследить путь этих воительниц от Аттики до Фракии. В любом случае, по моему, очевидно, что у кочевников решительная женщина весом всего в сто двадцать фунтов вполне могла считаться более ценной единицей в войске, чем мужчина, вдвое превышающий ее весом, ибо владела луком не менее умело, но значительно меньше утомляла своего коня.

Мне кажется, нет необходимости напоминать, что женщины-воительницы действовали на всем протяжении истории человечества, включая и наше время.

Панкратион можно определить как древний синоним наших нынешних боевых искусств. Его правилами было запрещено только кусаться и надавливать на глаза, а бой продолжался до тех пор, пока один из участников не признавал свое поражение. Следует также отметить, что изображение атлета, наносящего противнику удар кулаком, отнюдь не всегда — изображение кулачного бойца. Те обычно бинтовали кисти рук кожаными ремнями.

Данный свиток также весьма интересен еще и тем, что содержит единственный известный отрывок из прозы Пиндара, величайшего греческого поэта после Гомера.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Я начинаю сначала

Я снова начинаю вести свой дневник вот на этом чистом свитке, который чернокожий нашел в городе. Сегодня утром Ио показала мне исписанный мною старый свиток и объяснила, какую ценность он для меня представлял. Я пока прочитал только первую и последнюю страницы, но рассчитываю прочитывать значительно больше еще до захода солнца. Сейчас, правда, я намерен сперва записать то, что мне необходимо запомнить на будущее.

Люди вокруг называют меня Латро, но я сомневаюсь, что это мое настоящее имя. Человек в львиной шкуре назвал меня Люцием, во всяком случае, именно так записано в первом свитке. Оттуда же я узнал, что очень быстро все забываю. Думаю, так оно и есть. Когда я пытаюсь понять, что же все-таки произошло вчера, на ум приходят лишь беспорядочные обрывки воспоминаний о том, как я куда-то шел, что-то непо-

нятное делал, с кем-то разговаривал; так что я, наверное, похож на корабль, заблудившийся в тумане, когда впередсмотрящий видит только нависающие над судном тени, которые вполне могут оказаться береговыми утесами, или другими кораблями, или вообще ничем; он слышит голоса, но это могут быть как голоса людей на берегу, так и голоса сирен, а может, и призраков.

По-моему, Ио и чернокожий, в отличие от меня, помнят все. Именно от Ио я узнал, что мы теперь находимся на Херсонесе Фракийском³, а захваченный город называется Сест. Здесь произошла битва между афинянами и подданными Персии. Командующий персов надеялся таким образом отбиться от преследователей. Так говорит Ио, а когда я возразил ей, что город выглядит вполне способным выдержать длительную осаду, она объяснила, что в городе не хватало продовольствия, и персидские воины, а также эллины (город, оказывается, исходно принадлежит эллинам) начали голодать. Ио — еще ребенок, но уже превращается в красивую девушку с длинными черными волосами.

Оказывается, правитель этого города собрал все свои войска перед главными воротами, посадив всех своих жен и рабынь (коих у него великое множество) в крытые повозки. Он обратился к воинам с речью, заявив, что поведет их в бой против афинян; но когда на воротах подняли засовы, правитель со своими приближенными быстро и втайне от остальных переместился в другое место, где они перелезли через стену с помощью ремней, рассчитывая скрыться, пока у ворот идет бой.

Но их попытка окончилась неудачей, и некоторые из пленников сейчас находятся здесь.

Я, видимо, тоже пленник, поскольку один из них — человек по имени Гиперид — называет меня своим рабом, как и чернокожего. (Гиперид невысок и едва достает своей круглой и совершенно лысой головой мне до кончика носа; впрочем, держится он прямо и говорит быстро.) Но это еще не все. Ио, которая называет себя моей рабыней, хотя нынче утром я предлагал освободить ее, говорит, что царь Спарты Павсаний тоже предъявляет на нас свои права. Это он послал нас сюда вместе с сотней молодых спартанцев, которые оставались здесь до начала боя, когда их предводитель был ранен, после чего они тут же (не испытывая особой любви к ведению осад и предвидя, что эта будет особенно длинной) уплыли домой.

Сейчас зима. Дуют сильные холодные ветры, часто идет дождь; но мы живем в хорошем доме, одном из тех, где раньше жили персы. Под моей кроватью стоят сандалии, но мы ходим в сапогах — Ио говорит, что это Гиперид купил сапоги для всех нас, когда город сдался, да еще две пары для себя самого.

Здесь, в Херсонесе, земля очень плодородная и, подобно всем плодородным землям, под дождем раскисает и превращается в грязь.

Сегодня утром я ходил на рынок. Граждане города Сест, как я уже говорил, эллины, из племени эолийцев⁴, детей ветра. Они все время озабоченно спрашивают, намерены ли мы оставаться здесь на зиму, и рассказывают мне, как опасно плыть в это время года через Геллеспонт; я думаю, они просто боятся, что персы по-

стараятся вскоре снова захватить столь плодородную область. Вернувшись, я спросил Ио, что она думает по этому поводу. Она сказала, что мы, несомненно, уйдем отсюда, и весьма скоро; но можем и вернуться, если персы попытаются опять взять город.

* * *

Нынче вечером случилось нечто совершенно необъяснимое. И хотя уже давно стемнело, я все же хочу это записать, прежде чем мне снова придется уйти.

Гиперид обычно пишет по вечерам свои приказы и счета, так что на столе стоит отличная лампа с четырьмя фитилями.

Он вошел, когда я чистил его ножные латы, и велел мне пристегнуть саблю и надеть плащ. Вместе мы поспешили к цитадели, где находились пленники. Взобравшись по множеству лестниц, мы очутились в верхнем помещении башни, где было двое пленных — мужчина и мальчик; были там и стражники, но Гиперид отослал их. А потом сел и сказал:

— Артаикт, друг мой несчастный, в незавидном положении ты оказался!

Пленный перс кивнул. Это был крупный мужчина с холодными глазами.

Борода у него почти седая, но выглядел он очень сильным; только теперь я, похоже, догадался, зачем Гиперид взял меня с собой.

— Ты ведь знаешь, я для тебя сделал все что мог, — продолжал Гиперид. — А теперь мне нужно, чтобы и ты кое-что для меня сделал. Дело у меня небольшое.

— Сделаю, не сомневайся, — отвечал Артаикт. — В чем заключается твое небольшое дело? — На языке эллинов он говорил, по-моему, значительно хуже меня.

— Когда твой господин ступил на нашу землю, он ведь перешел море по мосту из лодок, не так ли?

Артаикт кивнул, мальчик тоже.

— И, как я слышал, этот мост по всей длине был покрыт слоем земли? — продолжал Гиперид с некоторым недоверием. — Некоторые даже утверждают, что в землю были посажены деревья!

— Так оно и было, я сам видел, — сказал мальчик. — Там были и деревья, и разные кусты — их специально посадили по обе стороны моста, чтобы кони не пугались воды.

Гиперид присвистнул.

— Удивительно! Нет, это просто удивительно! Завидую вам — должно быть, замечательное было зрелище! — И он снова повернулся к отцу мальчика: — Очень способный мальчик этот юный царевич! Как его имя?

— Артембар, — сказал Артаикт. — Его назвали в честь моего деда, который был другом самого Кира⁵.

При упоминании этого имени Гиперид хитро улыбнулся:

— Теперь очень многие называют себя друзьями Кира. У великих завоевателей всегда оказывается очень много друзей.

Но Артаикта это не смутило.

— Верно, — произнес он. — И все же большинство этих самозванцев никогда даже за одним столом с Киrom не сидели и вина с ним не пили.